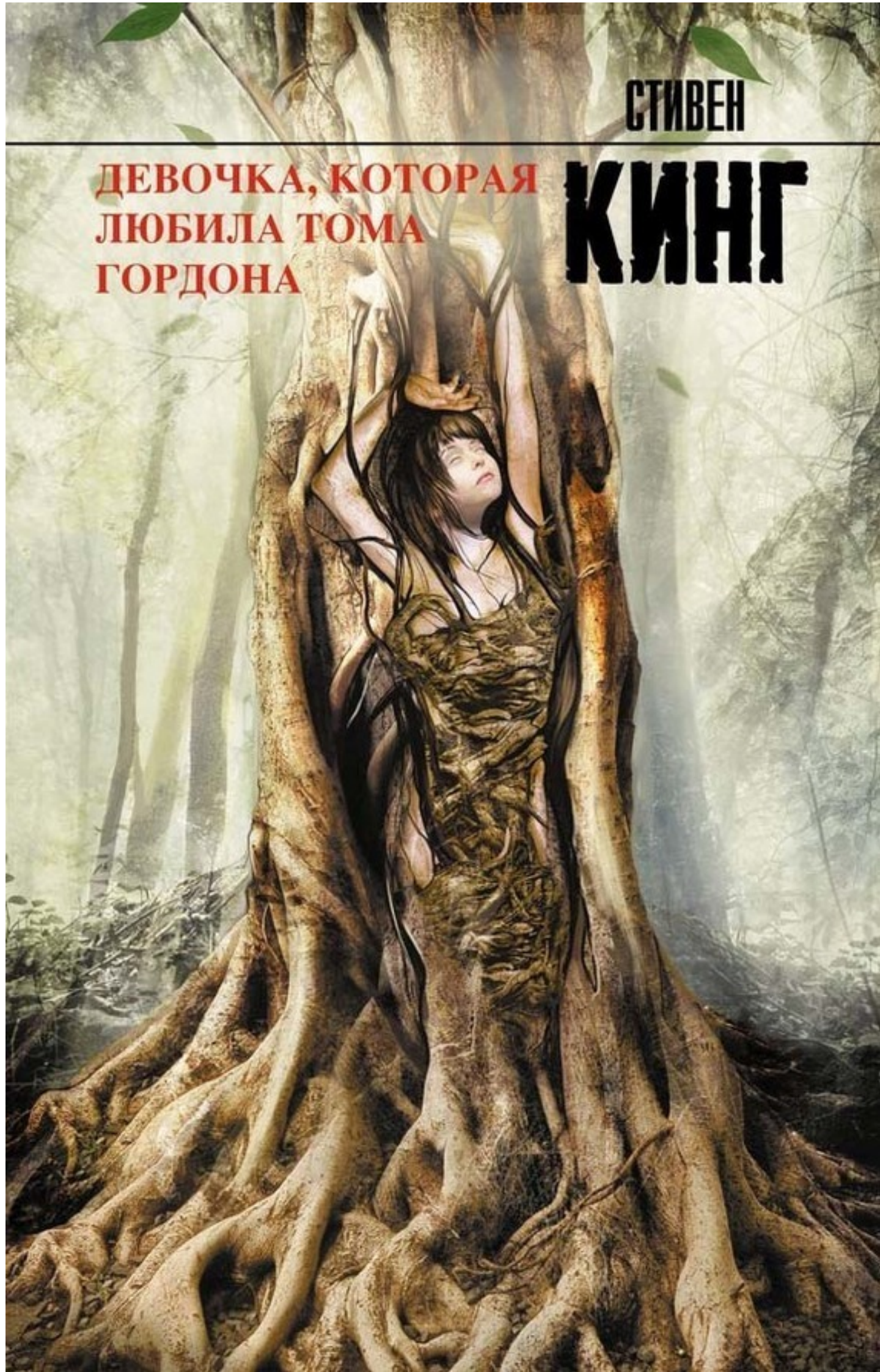


СТИВЕН

ДЕВОЧКА, КОТОРАЯ  
ЛЮБИЛА ТОМА  
ГОРДОНА

КИНГ



Стивен Кинг

**Девочка, которая  
любила Тома Гордона**

«Автор»

«АСТ»

1999

**Кинг С.**

Девочка, которая любила Тома Гордона / С. Кинг — «Автор»,  
«АСТ», 1999

ISBN 978-5-271-39697-7

Когда над лесом сгущается мрак, с ним вместе приходит страх, который парализует волю и сводит горло. Во тьме оживает все самое ужасное, о чем боишься даже подумать. Из тьмы выходят ночные кошмары – и внезапно становятся явью. Сквозь тьму, сквозь ад ночного леса бредет заблудившаяся девочка – и в спину ей дышит крошечный ужас. Помощи ждать неоткуда...

ISBN 978-5-271-39697-7

© Кинг С., 1999

© Автор, 1999

© АСТ, 1999

## Содержание

Разминка	5
Первый иннинг	10
Второй иннинг	13
Третий иннинг	18
Первая половина четвертого иннинга	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30



## Стивен Кинг

*Моему сыну Оуэну, который в итоге смог рассказать мне о бейсболе гораздо больше, чем в свое время я – ему*

### Разминка

*Июнь 1998*

Жизнь старается не показывать свой звериный оскал, с тем чтобы ухватить человека в подходящий момент. Триша Макфарленд убедилась в этом в девятилетнем возрасте. В начале июня, в десять утра она сидела на заднем сиденье материнского «додж караван», одетая в синий свитер, точную копию тех, в каких тренировались «Ред сокс»<sup>1</sup> (с надписью 36 ГОРДОН на спине), и играла с Моной, своей куклой. А в половине одиннадцатого она уже заблудилась в лесу. К одиннадцати она пыталась не поддаться панике, гнала от себя мысль: это серьезно, очень серьезно. Старалась не думать о том, что иногда люди, заблудившиеся в лесу, получали серьезные травмы. А случалось, что и погибали. И все потому, что мне захотелось пописать, подумала Триша... да только не так уж ей и приспичило, да и в любом случае она могла попросить маму и Пита подождать, пока она на минутку забежит за дерево. Они опять ссорились, впрочем, ее это давно уже не удивляло, вот почему она и отстала, не сказав им ни слова. Вот почему сошла с тропы за высокий куст. Ей хотелось тишины, ничего больше. Устала она слушать их перепалку, устала источать радость и веселье, которых не чувствовала, ее так и подмывало крикнуть матери: «Да отпусти ты его! Если он так хочет вернуться в Молден и жить с отцом, почему бы тебе его не отпустить? Я бы сама отвезла его туда, будь у меня водительское удостоверение, только для того, чтобы в нашем доме все стало мирно и спокойно!» И что потом? Что бы ответила на это ее мать? Какое выражение появилось бы на ее лице? И Пит. Старший брат, ему почти четырнадцать, далеко не глупый парень, почему он так себя ведет? Почему он не может помолчать? Заткнись – вот что она хотела ему сказать (вернее, сказать им обоим). Да заткнись же ты!

Родители их развелись год назад, и по решению суда дети остались жить с матерью. Переезд из пригорода Бостона в южную часть штата Мэн Пит принял в штыки. Отчасти потому, что действительно хотел жить с отцом, о чем не упускал случая напомнить матери (интуитивно он понимал, что лучшего способа причинить ей боль и быть не может), но Триша знала, что это не единственная причина и уж наверняка не главная. Основная причина, почему Пит так хотел вернуться в Бостон, состояла в том, что он ненавидел школу Сэнфорда.

В Молдене у него все было схвачено. В компьютерном клубе он правил как абсолютный монарх. У него были друзья, пусть не спортсмены, а такие же, как он, любители компьютерных игр, но они обычно держались друг друга и плохиши к ним не приставали. В школе Сэнфорда компьютерного клуба не было, и подружился он только с одним мальчиком, Эдди Рейбурном. Но в январе Эдди уехал, еще одна жертва развода. И Пит остался один. И кроме того, в школе многие над ним смеялись. И дали прозвище, которое он ненавидел: Пит-Компи.

В те уик-энды, которые они не проводили с отцом в Молдене, мать вывозила их на экскурсии. Она неукоснительно следовала заведенному порядку, и Триша, хотя и мечтала о том, чтобы мать пошла на попятную (именно на этих экскурсиях начинались самые безобразные ссоры), знала, что этому не бывать. Если Куилла Андерсен (после развода она вернула себе девичью фамилию, и Триша могла поспорить, что Пит ненавидел мать и за это) что-то решала,

---

<sup>1</sup> «Бостон Ред Сокс» – бейсбольная команда из Бостона, штат Массачусетс, входящая в Восточное отделение Американской бейсбольной лиги.

но непременно так и делала. Однажды, приехав к отцу в Молден, Триша услышала его разговор с отцом по телефону. Одна фраза накрепко врезалась ей в память: «Если бы Куилла была на Литтл-Бигхорне<sup>2</sup>, индейцы потерпели бы поражение». Трише не понравилось, что отец так говорит о матери, но она не могла отрицать, что он нисколько не погрешил против истины.

За последние шесть месяцев, в течение которых отношения матери и Питера все ухудшались и ухудшались, Куилла свозила их в автомобильный музей в Уискассете, в Шекер-Виллидж<sup>3</sup> в Грее, на завод по производству тория в Норт-Уиндхэме, в «Город шести орудий» в Рэндольфе, штат Нью-Хэмпшир. Они спустились на каноэ по реке Сако и покатались на лыжах в Шугарлоуфе (для Триши эта прогулка завершилась вывихом лодыжки, из-за чего ее отец и мать крепко поцапались. Хорошо еще, что обошлось без рукоприкладства).

Иногда, если место, куда привозила их мать, Питу нравилось, он давал своему языку отдых. К примеру, он заявил, что «Город шести орудий» для «грудничков», но мать разрешила ему провести практически весь день в комнате компьютерных игр, и в итоге они возвращались домой в блаженной тишине. С другой стороны, если Пит не одобрял выбора матери (а особую неприязнь вызвал у него завод по производству тория), обратная дорога превращалась в пытку. Пит был не из тех, кто держит свои мысли при себе. В пословице «слово не воробей, выскочит – не поймаешь» здравого смысла он не находил. Кстати, по мнению Триши, той же точки зрения придерживалась и мать. Сама же Триша считала, что молчание – золото, но, разумеется, любому человеку хватало одного взгляда, чтобы сказать, что девочка – вылитый отец. Иногда мысль эта вызывала у нее смутную тревогу, но в основном такое сравнение ей льстило.

Место, где они проведут субботу, не имело для Триши никакого значения, ее вполне устроили бы парки аттракционов и поля для мини-гольфа, потому что посещение как первых, так и вторых не приводило к очередной ссоре. Но мамик хотела, чтобы дети не только осматривали достопримечательности, но и узнавали новое, расширяли свой кругозор. Отсюда в списке экскурсий и появились завод по производству тория и Шекер-Виллидж. Вот это, пожалуй, больше всего и бесило Пита. Не желал он учиться еще и по субботам. Это время он бы с куда большим удовольствием провел в своей комнате за какой-нибудь компьютерной игрой. Раз или два он столь исчерпывающе высказывал свое мнение о происходящем (все его тирады укладывались в одно слово: «Тошниловка»!), что мамик отсылала его к машине, чтобы он посидел в кабине и «пришел в себя», пока она и Триша не вернутся с экскурсии.

Триша хотела сказать матери, что Пит уже вышел из детского возраста и негоже ставить его в угол: когда-нибудь дело закончится тем, что они вернутся и не найдут его, а потом выяснится, что он уехал домой на попутке. Но, разумеется, ничего не сказала. Плохой была сама идея субботних экскурсий, но мамик никогда бы этого не признала. По завершении некоторых подобных мероприятий Куилла Андерсен выглядела лет на пять старше. В углах рта появлялись глубокие морщины, и она непрерывно терла висок, словно у нее болела голова... но отказываться от субботних выездов Куилла не собиралась. Триша это знала. Может, если бы их мать участвовала в битве на реке Литтл-Бигхорн, индейцы, все равно одержали бы победу, но досталась бы она им более дорогой ценой.

В ту субботу они собрались посетить малонаселенный район в западной части Мэна. Именно там Аппалачская тропа покидала этот штат, переходя в Нью-Хэмпшир. В пятницу

<sup>2</sup> 25 июня 1876 г. на реке Литтл-Бигхорн в штате Монтана произошла битва между индейцами племен тетонов и 7-м кавалерийским полком во главе с генералом Джорджем Кастером. Опасаясь голода, индейцы покинули резервацию, чтобы начать охоту на бизонов, но им приказали вернуться под угрозой применения силы. На отказ повиноваться военные ответили атакой на индейский лагерь. Но кавалеристам пришлось отступить, потеряв убитыми 265 человек, включая и генерала Кастера. Это был последний случай, когда индейцам удалось одержать победу над армейским подразделением.

<sup>3</sup> Поселение шекеров, религиозной секты, называющей себя «Церковь Царствия Божьего на Земле», пользовавшейся значительным влиянием до Гражданской войны. Секта выступала за общинную собственность, проповедовала опрощение и строгий образ жизни. Члены ее давали обет безбрачия, так как ожидали наступления Царства Божьего на Земле в самое ближайшее время и не считали нужным заботиться о продолжении рода. Однако к 1880 г. секта лишилась практически всех сторонников.

вечером, сидя на кухне, мамик показывала им буклет с красочными фотоснимками. На них улыбающиеся до ушей туристы или радостно топали по лесной тропе, или любовались красотами пейзажа, стоя на обзорных площадках. Прикрывая ладонью глаза от солнца, поверх заросших лесом долин они смотрели на каменистые, изъеденные временем, но все еще внушающие благоговейный ужас вершины центральной части Уайт-Маунтинс<sup>4</sup>.

Пит, изнывая от скуки, лишь изредка брезгливо поглядывал на буклет. Мамик, впрочем, отказывалась замечать, что ее сын выказывает к намеченному походу полнейшее равнодушие. Триша же – у нее это начало входить в привычку, – наоборот, горела энтузиазмом. В такие моменты она напоминала себе участницу телевикторины, которая разве что не писает кипятком от перспективы выиграть набор кухонной посуды. А что она чувствовала на самом деле? Она ощущала себя клеем, который соединял воедино две половинки разбитого целого. Качество клея оставляло желать лучшего.

Куилла закрыла буклет, положила на стол последней страницей кверху. Эту страницу составители буклета отвели под карту. Куилла постучала пальцем по извилистой синей линии:

– Это шоссе 68. Мы оставим машину здесь, на этой автостоянке. – Ее палец указал на маленький синий квадратик. А потом двинулся по извилистой красной линии. – Это отрезок Аппалачской тропы между шоссе 68 и шоссе 302 в Норт-Конуэй, штат Нью-Хэмпшир. Его длина всего шесть миль, и он отнесен к категории средней сложности. Хотя... есть маленький участок, который считается сложным, но нам все равно не понадобится альпинистское снаряжение.

Куилла постучала пальцем по другому синему квадратику. Пит подпер голову рукой, демонстративно глядя в другую сторону. Ладонь оттянула левый уголок рта, казалось, он ухмыляется. В этом году у Пита появились прыщики, и свеженькая порция блестела на лбу. Триша любила брата, но иногда, как в этот вечер за кухонным столом, когда мамик объясняла завтрашний маршрут, она просто ненавидела его. Ее так и подмывало сказать Питу: все потому, что ты – «мокрая курица». В этом, собственно, и состояла проблема, как сказал бы их отец. Пит хотел вернуться в Молден, поджав между ног свой маленький хвостик, потому что он был «мокрой курицей». Он не думал о матери, не думал о Трише, не думал о том, а хорошо ли ему будет у отца. Пита заботило только одно: он твердо знал, что в Молдене ему не придется есть ленч в одиночестве. И никто не будет звать его Комппи.

– Вот автомобильная стоянка, к которой мы выйдем, – продолжала мамик, то ли не видя, что Пит не смотрит на карту, то ли предпочитая этого не замечать. – Автобус приезжает сюда примерно в три часа. На нем мы доедем до нашего «доджа». А через два часа уже будем дома. Если вы не очень устанете, я поведу вас в кино. Что вы на это скажете?

В тот вечер Пит ничего не сказал, зато утром говорил не переставая, начиная с того самого момента, как «додж» тронулся с места. Не хотел он брести по Тропе, глупо это, идти на своих двоих; опять же синоптики обещали дождь; почему они должны проводить всю субботу, шагая по лесу аккуратно в то самое время года, когда кишмя кишит мошकारа; а если Триша заденет рукой ядовитый плющ... и так далее, и так далее, и так далее. Та-та-та. Ему даже хватило наглости сказать, что это время он мог бы потратить на подготовку к экзаменам. Уж Триша-то знала, что по субботам Пит не занимался никогда. Поначалу мамик не реагировала, но в конце концов Пит ее достал. Он всегда добивался своего, чуть раньше или чуть позже, в зависимости от ситуации. К тому времени, как они свернули на автостоянку у шоссе 68, костяшки пальцев Куиллы, сжимавшие руль, побелели, а говорила она отрывистым тоном, так хорошо знакомым Трише. Мамик медленно, но верно подходила к точке кипения. А ведь шестимильная прогулка по лесам западного Мэна еще не началась.

---

<sup>4</sup> Горы на западе штата Мэн и на севере штата Нью-Хэмпшир, северная часть Аппалачей. Регион славится живописным ландшафтом. Горы изрезаны глубокими ущельями. Национальный лесной заказник.

Поначалу Триша пыталась их отвлечь, вскрикивая что-нибудь голосом потенциальной обладательницы набора кухонной посуды всякий раз, когда они проезжали мимо амбара, пасущейся лошади или живописного кладбища, но мать и брат полностью ее игнорировали, и какое-то время спустя Триша перестала подавать голос, затихла на заднем сиденье с Моной (отец любил называть ее Монья-Болонья) на коленях и рюкзаком справа под боком. Сидела, слушая перепалку матери и брата и гадая, а не заплакать ли ей, чтобы не сойти с ума. Могут ли постоянные семейные склоки свести с ума? Может, мать терла виски подушечками пальцев не потому, что у нее болела голова? Может, таким образом она пыталась остановить некие разрушительные процессы в мозгу?

Чтобы отвлечься от словесной перепалки, проистекавшей на переднем сиденье, Триша погрузилась в свою любимую грезу. Она сняла бейсболку «Ред сокс» и посмотрела на размашистую роспись на козырьке. Роспись эта помогала Трише настроиться на нужную волну. Роспись Тома Гордона. Питу нравился Мо Вогн. Мамик больше благоволила к Номару Гарчапарре, а вот у нее и у ее отца любимым игроком «Ред сокс» был Том Гордон. В «Ред сокс» Том Гордон был финишером: выходил на поле в восьмом или девятом иннинге<sup>5</sup>, когда матч близился к концу, а «сокс» вели в счете. В такой ситуации тренеры отдавали предпочтение питчеру<sup>6</sup>, которому доверяли на все сто процентов.

Отец Триши восхищался Томом Гордоном за то, что тот никогда не терял самообладания. «Флэш – не человек: айсберг», – частенько говорил Ларри Макфарленд. Триша любила повторять эту фразу. И только Монье-Болонье и (однажды) своей подруге Пепси Робишо она сказала кое-что еще. С Пепси поделилась она мыслью о том, что Том Гордон «очень даже симпатичный». А Моне, отбросив осторожность и всякий стыд, призналась, что второго такого красавца, как Номер 36, на свете нет и, если бы он коснулся ее руки, она бы лишилась чувств. А если бы поцеловал, пусть даже и в щечку, то скорее всего умерла бы.

Теперь же, когда ее мать и брат цапались на переднем сиденье по поводу лесной прогулки, по поводу школы Сэнфорда, по всяким и разным поводам, Триша смотрела на бейсболку с росписью, которую отец каким-то образом добыл ей в марте, перед самым началом спортивного сезона, и думала:

Я в парке Сэнфорда, обычный день, я иду через парк к дому Пепси. Какой-то парень стоит у лотка с хот-догами. В синих джинсах и белой футболке, с золотой цепочкой на шее. Он стоит ко мне спиной, и я вижу, как цепочка поблескивает на шее чуть ниже волос. Потом он поворачивается, и я... о, я не могу в это поверить, но это правда, это он, это Том Гордон. Ума не приложу, как он оказался в Сэнфорде, но это он, точно он, я узнаю его взгляд, точно так же он смотрит, готовясь к броску. Он улыбается и говорит, что заблудился, и не могу ли я сказать ему, где находится город Норт-Беруик и как до него добраться. Господи, Господи, я вся дрожу, не могу сказать ни слова, открываю рот, но с губ вместо слов срывается едва слышный писк, папа это называет «мышинный пук», но я беру себя в руки, возвращаю потерянный дар речи и говорю почти что нормальным голосом...

Я говорю, он говорит, потом я говорю, и потом он говорит: приятно думать о том, что они скажут друг другу, пока продолжается перепалка на переднем сиденье «каравана» (иной раз, решила Триша, тишина – высшее наслаждение). Она все смотрела на роспись на козырьке бейсболки, когда Куилла свернула на автостоянку, не подозревая о том (Триша ушла в собственный мир, как сказал бы ее отец), что жизнь вот-вот покажет ей свои страшные зубы. Она

<sup>5</sup> Бейсбольный матч состоит из 9 иннингов (периодов).

<sup>6</sup> Питчер – игрок обороняющейся команды, который должен вбрасывать мяч. По правилам, игрок, замененный по ходу матча, больше на поле не выходит. Обычно игроки проводят матч без замен. Исключение составляют питчеры, нагрузка на которых так велика, что они физически не могут провести весь матч на высоком уровне. В профессиональной бейсбольной команде несколько питчеров. Начинает матч самый сильный, а на последние иннинги выходит самый опытный, умный и хитрый.



была в Сэнфорде, не в ТР-90. В городском парке, а не на Аппалачской тропе. Она была с Томом Гордоном, Номером 36, и он обещал угостить ее хот-догом, если она скажет ему, как добраться до Норт-Беруика.

О, какое блаженство.

## Первый иннинг

Мамик и Пит объявили перемирие, пока доставали из багажного отсека рюкзаки. Пит даже помог Трише надеть рюкзак, чуть подтянул одну лямку, и у нее появилась надежда, что уж теперь-то все наладится.

– Детки, пончо при вас? – спросила Куилла, глянув на небо. Над головой оно оставалось синим, но на западе уже собирались облака. Триша подумала, что дождя точно не избежать, но начнется он не так скоро, как хотелось бы Питу. И едва ли ему представится возможность пожаловаться на то, что он промок до нитки.

– Мое при мне, мамик! – чирикнула Триша голосом телеконкурсантки.

Пит что-то буркнул, возможно, сие означало «да».

– Ленч?

Подтверждение от Триши, бурчание от Пита.

– Отлично, потому что на мой можете не рассчитывать. – Куилла заперла «караван» и повела их через автостоянку к указателю с надписью «ТРОПА. ЗАПАД» и стрелкой. На стоянке Триша насчитала с дюжину автомобилей, все с номерными знаками других штатов.

– Спрей от насекомых? – спросила Куилла перед тем, как они ступили на дорожку, ведущую к Тропе.

– Я взяла! – без запинки чирикнула Триша. Уверенности, что спрей в рюкзаке, не было, но не хотелось останавливаться, поворачиваться спиной к матери и ждать, пока та проведет инспекцию содержимого рюкзака. Задержка наверняка выведет Пита из себя, и он возьмется за старое. А вот если они будут идти, он может увидеть что-то интересное для себя и отвлечься. Енота, к примеру. Или лося. Очень кстати пришелся бы динозавр. Триша хихикнула.

– Что ты нашла забавного? – спросила Куилла.

– Подумалась всякая ерунда, – ответила Триша, и Куилла нахмурилась: «подумалось» – одно из любимых словечек Ларри Макфарленда. Пусть хмурится, подумала Триша. Пусть хмурится, если ей этого хочется. Я живу с ней и не жалею, как этот маленький ворчун, что идет рядом, но Ларри – по-прежнему мой отец, и я по-прежнему его люблю.

И словно в доказательство своих слов Триша коснулась рукой бейсболки.

– Тогда в путь! – скомандовала Куилла. – И смотрите под ноги.

– Как же я это ненавижу, – простонал Пит. То были первые членораздельные звуки, произнесенные им после того, как они вылезли из «доджа».

Пожалуйста, Господи, пошли нам кого-нибудь, взмолилась Триша. Лося, или динозавра, или НЛЮ. Потому что, если ты не поможешь, они опять начнут цапаться.

Господь Бог послал нескольких комаров-разведчиков, которые, безусловно, тут же доложили основным силам, что на подходе свежее мясо. И к тому времени, когда они поравнялись со щитом с надписью «НОРТ-КОНУЭЙ 5,5 МИЛЬ», перепалка возобновилась с новой силой. Мать и сын не замечали лесов, не замечали Триши, не замечали ничего вокруг. Та-та-та-та. Рты их не закрывались ни на секунду. Неужели они не могут найти лучшего занятия, с горечью подумала Триша.

Зациклившись друг на друге, они не видели того, на что стоило посмотреть. На сосны, пропитывающие воздух сладковатым смолистым запахом, на облака, которые, казалось, плыли над самой головой, не облака вовсе, а клубы беловато-серого дыма. Триша догадывалась, что только взрослые могут считать своим хобби такое скучнейшее занятие, как пешие прогулки, но это был тот самый случай, когда прогулка действительно приносила радость. Триша не знала, вся ли Аппалачская тропа поддерживается в столь идеальном состоянии, скорее всего нет, но если это все-таки так, она могла понять, почему люди, не нашедшие себе лучшего занятия, отмеривают по ней сотни и тысячи миль. Все равно что шагать по широкой, извилистой авеню,

проложенной сквозь леса, подумала Триша. Пусть она не залита асфальтом, пусть все время поднимается в гору, но идти по ней легко и приятно. Им попалась даже маленькая будка с водяным насосом внутри и табличкой: «ВОДА ПРИГОДНА ДЛЯ ПИТЬЯ. ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАВЬТЕ ПОЛНОЕ ВЕДРО ДЛЯ ТЕХ, КТО ПРИДЕТ СЛЕДОМ».

В рюкзаке лежала бутылка с водой, большая, с закручивающейся пробкой, но внезапно Трише ужасно захотелось, качнув насос в маленькой будке, сложить ладони лодочкой, набрать в них чистой и холодной воды и с наслаждением напиться. Она бы пила и представляла себя Билбо Бэггинсом<sup>7</sup> на пути к Туманным горам.

– Мамик? – позвала Триша. – Может мы остановимся, чтобы...

– Находить друзей – это работа, Питер, – говорила мать. На Тришу она даже не оглянулась. – Ты не должен стоять столбом и ждать, пока к тебе подойдут другие дети.

– Мамик? Пит? Давайте остановимся на минуточку, чтобы...

– Ты ничего не понимаешь, – с жаром возражал Пит. – Ты не знаешь, о чем говоришь. Слишком многое изменилось с тех пор, когда ты училась в школе.

– Пит? Мамик? Тут насос... – На самом деле тут был насос: говорить о нем следовало в прошедшем времени, поскольку насос остался позади и расстояние до него увеличивалось с каждой секундой.

– Я не могу с этим согласиться, – резко, не допуская никакого компромисса, ответила Куилла, и Триша подумала: неудивительно, что она сводит Пита с ума. А потом вознегодовала, тоже мысленно: они просто забыли о том, что я здесь. Девочка-невидимка, вот кем я стала. С тем же успехом я могла остаться дома. Комар жужжал над ухом, и Триша раздраженно прихлопнула его.

Они подошли к развилке. Основная тропа, хоть и не такая широкая, как авеню, но столь же ухоженная, сворачивала влево, под указатель с надписью «НОРТ-КОНУЭЙ 5,2». Вторая тропа, гораздо более заросшая, вела, если верить надписи на другом указателе, в Кезар-Нотч, находящийся в десяти милях от развилки.

– Эй, мне надо по маленькому, – сказала Девочка-невидимка, но, разумеется, ни мать, ни брат ее не услышали. Они свернули на тропу, ведущую в Норт-Конуэй, бок о бок, словно влюбленные, глядя друг другу в лицо, словно влюбленные, и ругаясь, как заклятые враги. Нам всем следовало бы остаться дома, подумала Триша. Они могли бы цапаться и дома, а я бы почитала книжку. Может, «Хоббита», историю о существах, которым нравится гулять по лесам.

– Вы как хотите, а я пошла писать, – обиженно бросила им вслед Триша и прошла несколько шагов по тропе, ведущей в Кезар-Нотч. Здесь сосны, которые держались на почтительном расстоянии от главной тропы, сдвигались, протягивая навстречу друг другу голубоватые ветви. Подступал к тропе и густой подлесок. Триша поискала блестящие листочки ядовитого плюща, не нашла... Спасибо тебе, Господи, за маленькие радости. Два года назад, когда жизнь была проще и счастливее, мать показала ей картинки ядовитого плюща и научила распознавать в траве и на кустах. Два года назад Триша частенько бродила с матерью по лесам (против экскурсии на завод по производству тория Пит возражал главным образом потому, что их мать хотела поехать туда. Но он не хотел признать-ся в этом даже самому себе, не замечал, как далеко заводит его собственный эгоизм. Пребывая в уверенности, что его в чем-то ущемили, он стремился отравить существование не только матери, но и сестре).

Во время одной из таких прогулок мамик показала Трише, как девочки должны писать в лесу. Начала со словесного инструктажа: «Самое важное, пожалуй, единственно важное – не справлять малую нужду там, где растет ядовитый плющ. А теперь смотри внимательно и делай, как я».

---

<sup>7</sup> Главный герой эпопеи Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец».

Триша посмотрела в обе стороны, никого не увидела, но все равно решила сойти с тропы. Похоже, в Кезар-Нотч давно никто не ходил, и саму тропу не сравнить с Аппалачской, но Триша не решилась облегчиться посреди тропы. Неприлично.

Сошла с тропы в ту часть леса, которая клином сходилась к развилке. Она даже слышала, как цапаются мать и брат, удаляющиеся по курсу на Норт-Конуэй. Уже потом, когда Триша окончательно поняла, что заблудилась, и старалась убедить себя, что она не умрет в лесу, что ее обязательно найдут и спасут, память услужливо подсказала последнюю услышанную фразу, произнесенную негодующим, полным обиды голосом брата: «Не знаю, почему мы должны расплачиваться за совершенные вами ошибки!»

Пройдя с полдюжины шагов в направлении голосов, Триша осторожно обошла куст ежевики, хотя и была в джинсах, а не в шортах. Остановилась, оглянулась, поняла, что видит тропу, ведущую в Кезар-Нотч... следовательно, и любой человек на тропе мог увидеть ее, присевшую на корточки и писающую, с рюкзаком за спиной и фирменной бейсболкой «Ред сокс» на голове. Голозадую, как сказала бы Пепси (Куилла Андерсен как-то заметила, фотографию Пенелопы Робишо следовало бы поместить в словаре для иллюстрации слова «вульгарность»).

Триша спустилась по пологому склону в неглубокую ложбинку, ее кроссовки скользили по прошлогодней листве. Со дна ложбинки она уже не видела тропы на Кезар-Нотч. Отлично. С другой стороны, из-за леса, до Триши донесся мужской голос, потом женский смех: еще одна группа туристов проходила по главной тропе, и, судя по голосам, совсем близко от Триши. Расстегивая молнию на джинсах, Триша подумала, что ее мать и брат могли все же прервать столь захватывающую дискуссию и оглянуться, чтобы посмотреть, как там идут дела у сестры, и забеспокоиться, увидев вместо Триши незнакомых мужчину и женщину.

И хорошо! Хоть несколько минут они будут думать не только о себе!

В тот день, два года назад мать объяснила ей, что девочки могут проделывать все это вне дома с тем же успехом, что и мальчики, но при этом сводя к нулю риск забрызгать одежду.

Триша одной рукой схватила за ветку растущей рядом сосенки, согнула ноги в коленях, затем просунула свободную руку между ног и сдернула джинсы и трусики, освобождая линию огня. В первое мгновение ничего не произошло, типичный случай, и Триша тяжело вздохнула. Комар кровожадно завыл у левого уха, а она могла прихлопнуть его только третьей рукой, которой, к сожалению, не было.

– О, набор кухонной посуды! – зло выдохнула Триша, и от этой глупой, но забавной фразы ее разобрал смех. А начав смеяться, она начала писать. Облегчившись, она огляделась, чтобы найти что-нибудь, чем можно потереться, и решила – еще одна отцовская фраза – не испытывать судьбу. Тряхнула попкой, словно от этого был какой-то прок, подтянула трусики и джинсы. А когда комар вновь зажужжал рядом с ухом, пристукнула его и испытала глубокое удовлетворение, увидев на ладони красное пятнышко. «Думал, что мой револьвер разряжен, приятель?» – хриплым голосом спросила она.

Триша повернулась к склону, по которому спустилась в ложбинку, а потом развернулась на сто восемьдесят градусов, потому что ей в голову пришла самая худшая в ее жизни идея. И заключалась эта идея в следующем: пойти вперед, вместо того чтобы вернуться на тропу к Кезар-Нотч. На развилке тропы расходились под небольшим углом, и чтобы попасть на главную тропу, от нее требовалось совсем ничего: пересечь заросший лесом участок между двумя тропами. Пустяк, что и говорить. И ни единого шанса заблудиться, потому что очень уж отчетливо слышала она голоса туристов, держащих путь на Норт-Конуэй. Действительно, заблудиться у нее не было ни единого шанса.

## Второй иннинг

Западный склон ложбинки, в которой Триша справила малую нужду, оказался куда круче восточного, по которому она спускалась в ложбинку. Но она забралась наверх, хватаясь за растущие на склоне деревья, а оказавшись на ровной земле, двинулась в том направлении, откуда доносились голоса. Идти мешал густой подлесок, ей пришлось обогнуть несколько утыканных шипами кустов, но всякий раз, огибая куст, она старалась не сбиться с выбранного курса. Так она шагала минут десять, а потом остановилась. Потому что у нее заныло то нежное местечко между грудью и животом, местечко, где сходятся вместе все нервы. Вроде бы ей уже пора выйти на Аппалачскую тропу, ведущую к Норт-Коную. По всем признакам пора. Не так уж далеко она ушла по тропе на Кезар-Нотч, не больше чем на пятьдесят шагов (уж точно не больше, чем на шестьдесят, самое большее, на семьдесят), потому что расстояние между расходящимися тропами не могло быть уж очень большим, не так ли?

Триша прислушалась к голосам на главной тропе, но в лесу воцарилась тишина. Нет, конечно, тишины не было и в помине. Триша слышала шум ветра в кронах высоких сосен, пронзительные крики сойки. Где-то вдали усердно трудился дятел. А в непосредственной близости (у каждого уха) жужжали комары. Чего она не слышала, так это человеческих голосов. Словно в лесу, кроме нее, не было ни души. Нелепая мысль, но от нее под ложечкой засосало чуть сильнее.

Триша вновь двинулась в выбранном направлении, прибавила шагу, чтобы как можно быстрее выйти на тропу. Путь ей преградило огромное упавшее дерево, слишком толстое, чтобы перелезть через него. Триша решила проползти под деревом. Она понимала, что наилучший вариант – обойти дерево, но вдруг она собьется с пути.

Ты уже сбилась с него, прошептал в голове голос, отвратительный ледяной голос.

– Заткнись, я не сбилась, заткнись, – также шепотом ответила Триша и присела. Увидела просвет под покрытым мхом стволом и втиснулась в него. Землю устилала мокрая листва, но Триша поняла это уже после того, как свитер на груди промок насквозь, и решила, что с этим уже ничего не поделаешь. Она поползла дальше и тут рюкзак уперся в ствол.

– Дери-раздери! – прошептала она (в последнее время у нее и Pepsi это было любимое ругательство) и попятилась. Поднялась на колени, стряхнула с груди мокрые листья и заметила, что у нее дрожат пальцы.

– Я не боюсь, – громко и отчетливо произнесла Триша, громко и отчетливо, потому что шепот ее немного пугал. – Совсем не боюсь. Тропа рядом. Я выйду на нее через пять минут, а потом бегом догоню мать и брата. – Она сняла рюкзак и, толкая его перед собой, вновь поползла под дерево.

Преодолела полпути, когда под ее рукой что-то шевельнулось. Триша посмотрела вниз и увидела толстую, черную змею, ползущую сквозь прошлогодние листья. В тот же момент все мысли растворились в молчаливой, слепящей вспышке отвращения и ужаса. Кожа словно покрылась коркой льда, горло перехватило. Она не просто видела змею, она ощущала ее холодное тело, скользящее под рукой. Триша взвизгнула, попыталась вскочить, напрочь забыв о том, что еще не вылезла из-под дерева. Обрубок ветви, толстый, как ампутированное предплечье, вонзился ей в поясницу. Триша плашмя упала на живот и, извиваясь всем телом, прямо как змея, с максимально возможной скоростью поползла назад.

Отвратительная тварь давно уже исчезла, а вот ужас остался. Змея же была у нее под рукой, спрятавшаяся в опавшей листве, под рукой. Слава Богу, змея не бросилась на нее, не укусила! А если она там не одна? Вдруг под деревом затаились и ядовитые змеи? Может, лес ими так и кишит? Естественно, какой же это лес, если в нем нет змей? В лесу всегда полным-полно всякой живности, которой человек боится, которая вызывает у него отвращение,

при виде которой так легко впасть в панику. Как только она могла согласиться на пешую прогулку по лесу? Не просто согласиться – с радостью!

Подхватив рюкзак за лямку одной рукой, Триша двинулась в обход упавшего дерева, подозрительно оглядывая как заросший мхом ствол, так и прошлогодние листья, устилающие землю между растущими вокруг деревьями. Она боялась увидеть змею, более того, она боялась увидеть целое полчище змей, как в фильме ужасов «Вторжение змей-убийц», где в главной роли снялась Патриция Макфарленд. В этой захватывающей дух истории про маленькую девочку, которая заблудилась в лесу и...

– Я не за... – договорить Триша не успела, потому что в этот момент как раз оглядывалась и не заметила торчащего из земли камня. Споткнулась, взмахнула свободной рукой в безуспешной попытке удержаться на ногах и повалилась набок. Поясницу пронзила боль: контакт с обрубком ветви не прошел даром.

Триша лежала на листьях, влажных, но все-таки не таких мокрых, как под деревом, – часто-часто дыша, чувствуя, как на лбу бьется жилка. Внезапно она поняла, что уже не знает, в правильном ли идет направлении или нет. Потому, собственно, она так часто и оглядывалась.

Тогда возвращайся к дереву. Упавшему дереву. Встань у того места, где ты должна была выползти, и посмотри прямо перед собой. Это направление, по которому ты хотела идти. Именно в той стороне находится главная тропа.

Но так ли это? Если так, как получилось, что она до сих пор не вышла на главную тропу?

Слезы выступили в уголках глаз. Триша сердито их смахнула. Если она начнет плакать, то более не сможет убеждать себя в том, что не испугана. Если она начнет плакать, может случиться все, что угодно.

Триша медленно вернулась к поваленному замшелому стволу дерева. Ей ужасно не хотелось возвращаться к тому месту, где она видела змею (она их терпеть не могла), но Триша понимала, что иначе нельзя. Нашла место, где увидела, нет – почувствовала под рукой змею. Выползая из-под дерева, Триша «перепахала» слой лежащей на земле листвы, и теперь «рытвины» заполнила вода. Глядя на лужицы, Триша непроизвольно коснулась рукой груди: свитер мокрый и грязный. А как же иначе? Какой еще может быть свитер девочки, если та решила ползать под свалившимся деревом. Однако мокрый и грязный свитер очень встревожил Тришу. Сие говорило о том, что ее планы на субботу переменялись. И составной частью нового плана стало ползание под деревом. Только изменения эти ни к чему хорошему не привели.

Почему она вообще сошла с тропы? Почему отошла от тропы так далеко, что уже не видела ее? Только для того, чтобы пописать? Тем более, что и писать-то особенно не хотелось. Если так, то она, должно быть, рехнулась. И безумие по-прежнему владело ею, когда она решила, что может, не опасаясь последствий, идти напрямую через лес. Что ж, сегодня она получила наглядный урок, действительно получила. Теперь она точно знала, что должна держаться тропы. Пусть тебе что-то хочется, пусть тебе надоела чья-то болтовня, ты должна держаться тропы. Пока ты на тропе, твой свитер останется сухим и чистым. На тропе ты в безопасности.

В безопасности.

Триша коснулась рукой поясницы и обнаружила в свитере дыру. От обрубка ветви пострадала не только поясница, но и свитер. Посмотрев на руку, Триша увидела на пальцах кровь. Тяжело вздохнула, вытерла пальцы о джинсы.

– Расслабься, по крайней мере это не ржавый гвоздь, – сказала она. – Считай, что тебе повезло. – Последнюю фразу любила говорить мать, но настроение у Триши не поднялось ни на йоту. Она-то полагала, что ей очень даже не повезло.

Она пристально оглядела землю у дерева, в одном месте даже взбила листья кроссовкой, но не обнаружила никаких признаков змеи. Наверное, это была неядовитая змея, но, Господи, какие же они все ужасные. Безногие, склизкие, высовывающие и убирающие язык по сто раз



в минуту. Даже теперь Тришу прошиб холодный пот, стоило ей вспомнить прикосновение к змее.

Почему я не надела сапоги, подумала Триша, взглянув на ноги, обутые в «Рибок». Почему я отправилась в лес в паршивых кроссовках? Ответ долго искать не пришлось. Потому что кроссовки идеально подходят для пешей прогулки по тропе... а первоначальный план и состоял в том, чтобы держаться тропы.

Триша на мгновение закрыла глаза:

– У меня все в порядке. От меня требуется только одно: сохранить хладнокровие и не поддаться панике. Через минуту или две я обязательно услышу голоса людей, идущих по тропе.

На этот раз собственный голос придал Трише уверенности, и настроение у нее заметно улучшилось. Она повернулась спиной к дереву, поставила ноги на ширине плеч, по обе стороны лаза, по которому она пыталась проползти, прислонилась попкой к заросшему мхом стволу. Вот так. А теперь вперед, по прямой линии. К главной тропе. Она должна быть там.

Возможно. А может, лучше подождать, не сходя с места? Подождать, пока не услышит голоса. Убедиться, что идти надо именно туда.

Но ждать она заставить себя не смогла. Ей хотелось как можно скорее вернуться на тропу и вычеркнуть из жизни эти ужасные десять (а может, уже и пятнадцать) минут, нагнавшие на нее столько страха. И Триша надела на плечи рюкзак – на этот раз старший, злой, но в принципе хороший брат не проверял лямки – и двинулась в путь. Мокрецы и мошка уже нашли ее и черной тучей кружили у головы. Триша лишь отгоняла их рукой. Мамик как-то сказала ей, что убивать надо только комаров, а мошкарку лучше отгонять... может, в тот самый день, когда показывала Трише, как девочки писают в лесу. Куилла Андерсен (тогда еще Куилла Макфарленд) объяснила, что мокрецы и мошка только слетятся в большем количестве, если начать их прихлопывать. Так что смысла в этом нет. «Когда имеешь дело с лесными насекомыми, – говорила мать Триши, – надо вжиться в образ лошади. Представить себе, что у тебя есть хвост, и махать им, отгоняя кровососов».

Стоя у сваленного дерева, отгоняя насекомых, но не убивая их, Триша выбрала ориентиром высокую сосну, растущую в сорока ярдах от нее... в сорока ярдах к северу, если она не перепутала стороны света. Она подошла к сосне и оглянулась, едва коснувшись шершавой коры, посмотрела на сваленное дерево. Она шла по прямой? Похоже на то.

Приободрившись, она нацелилась на несколько сбившихся в кучку кустов, усыпанных ярко-красными ягодами. Во время одной из познавательных прогулок мать обратила внимание Триши на такие же ягоды. Та заявила, что это смертельно ядовитые птичьи ягоды. Так, во всяком случае, утверждала Пепси Робишо. Куилла рассмеялась и сказала следующее: «Твоя знаменитая Пепси, как выясняется, знает далеко не все. И это радует. Это митчелла, и в ее ягодах нет никакого яда. По вкусу они напоминают жевательную резинку «Тиберри», ту, что продается в розовых пачках». Мать Триши бросила несколько ягод в рот. А поскольку она не упала и не забилась в конвульсиях, Триша последовала ее примеру. Ей показалось, что запахом ягоды похожи на таблетки, которые освежают дыхание. Такие зелененькие, от них еще словно покалывает нёбо и десны.

Триша подошла к кустам, подумала о том, чтобы сорвать несколько ягод, хотя бы для того, чтобы еще больше поднять настроение, но в последний момент передумала. Голода она не чувствовала, а насчет настроения... Триша вдохнула пряный запах матовых зеленых листьев (также съедобных, по словам Куиллы, хотя Триша никогда их не пробовала – она же, в конце концов, не лесной сурок), затем посмотрела на сосну. Убедилась, что по-прежнему идет по прямой линии, и наметила третий ориентир: на этот раз валун, чем-то напоминающий шляпу из старого черно-белого фильма. Следующим ориентиром стали три растущие рядом березы. От берез она медленно направилась к роскошным папоротникам, растущим на склоне.

Триша все свое внимание концентрировала на ориентирах, даже не оглядывалась, пока шла к следующему, поэтому, лишь подойдя к папоротникам она поняла, что смотрит на чащобу. Идти от ориентира к ориентиру – дело хорошее, и Триша полагала, что шла по прямой... да только не уводила ли эта прямая от цели? Она, конечно, могла лишь ненамного отклониться от нужного направления, но в том, что отклонилась, Триша не сомневалась. Потому что в противном случае она давно бы уже вышла на тропу. Еще бы, она отмахала...

– Господи, – выдохнула Триша, и дрожь в собственном голосе очень ей не понравилась, – да я прошла мило. Как минимум, мило.

Кровососы окружили ее со всех сторон. Мокрец и мошка висели перед глазами, отвратительные комары облюбовали уши, и их надсадный писк сводил с ума. Триша попыталась прихлопнуть одного, промахнулась, только больно стукнула себя по уху. Она понимала, что должна сдерживаться. Рукоприкладство ни к чему хорошему привести не могло. Она бы только наставила себе синяков, как один смешной персонаж в старом мультфильме.

Триша скинула рюкзак, присела на корточки, расстегнула ремни, откинула клапан, раскрыла рюкзак. Синее пластиковое пончо; бумажный пакет с ленчем, она собирала его сама; «геймбой» и крем от загара (вот он оказался совершенно ни к чему: солнце давно скрылось за облаками, меж которыми остались лишь редкие синие прогалины); бутылка с водой и бутылка с «Сэдж», ее любимой газировкой; пачка «Туинкиз», печенья с кремовой начинкой, и пачка картофельных чипсов. Но никакого спрея от насекомых. Как будто она этого не знала? Вот Триша и намазалась кремом от загара, пусть отпугивает хотя бы мошку, и убрала все в рюкзак. Вновь достала пачку «Туинкиз», но после короткого колебания вернула в рюкзак. Она совершенно не чувствовала голода. Вообще-то она любила печенье с кремом, хотя и понимала, что не должна налегать на сладости, иначе к четырнадцати годам ее лицо превратится в один огромный прыщ.

А ведь ты можешь и не дожить до четырнадцати лет, заметил внутренний голос. Такой ледяной и пугающий. Такого от внутреннего голоса она не ожидала. Пригрела змею на груди. Ты можешь не выбраться из этих лесов.

– Заткнись, заткнись, заткнись, – прошептала Триша, накинула клапан, затянула пряжки. Покончив с этим, начала подниматься... потом замерла, упершись одним коленом в мягкую землю у папоротника, вскинув голову, словно приносящаяся к воздуху, как делает это олененок, впервые оторвавшийся от материнского бока. Только Триша не приносивалась: она вслушивалась, попытавшись отключить все остальные органы чувств.

Легкий ветерок шелестел в верхушках сосен. Пронзительно пищали комары (отвратительные, поганые насекомые). Долбил дерево дятел. Где-то далеко каркала ворона. А еще дальше, на границе слышимости, жужжал самолет. Никаких голосов с тропы. Ни единого голоса. Словно тропа, ведущая в Норт-Конуэй, провалилась сквозь землю. А когда жужжание самолета окончательно затихло, Триша смирилась с тем, что придется взглянуть правде в глаза.

Она поднялась. На каждую ногу подвесили по гире, неприятная тяжесть чувствовалась и в животе. Голова стала напоминать наполненный легким газом шар, привязанный к свинцовой плите. Триша осознала, что находится в полном одиночестве, начисто отрезанная от себе подобных. Каким-то образом она перешла границу, покинула игровое поле и очутилась в таком месте, где правила, по которым она привыкла жить, больше не действовали.

– Эй! – закричала Триша. – Эй, кто-нибудь, вы меня слышите? Вы меня слышите? Эй! – Она замолчала, в надежде услышать ответ, не услышала и в отчаянии завопила: – Помогите мне, я заблудилась! Помогите, я заблудилась!

Глаза наполнились слезами, и Триша больше не могла их сдерживать, не могла убеждать себя, что ситуация по-прежнему под контролем. Голос задрожал, в нем появились плаксивые нотки ребенка, а затем он превратился в вопль забытого в колыбельке младенца. И этот вопль, пожалуй, нагнал на Тришу больше страха, чем все случившееся за это неудачное утро,

потому что о присутствии человека в окружающем ее лесу свидетельствовал только ее плачущий, пронзительно-вопящий голос, зовущий на помощь, потому что она потерялась.

## Третий иннинг

Орала она минут пятнадцать, не меньше, иногда рупором складывая ладони у рта и поворачиваясь в ту сторону, где, по ее разумению, находилась главная тропа, а по большей части просто стояла у папоротников и кричала. Наконец, издала завершающий вопль – без единого слова, отчаянный выплеск злости и страха, такой громкий, что заболело горло, а затем села на землю, закрыла лицо руками и разрыдалась. Рыдала Триша минут пять (откуда знать, сколько именно, если часы остались дома, на столике у кровати, еще одно умное решение Великой Триши), а когда перестала, ей стало полегче... если бы не насекомые. Они осадили ее со всех сторон, ползали, пищали, жужжали, пытались высосать ее кровь и выпить пот. Насекомые сводили ее с ума. Триша вновь поднялась, замахала фирменной бейсболкой «Ред сокс», напоминая себе, что нельзя убивать на себе мошкарку, иначе будешь вся в синяках, но зная, что начнет убивать, и очень скоро, если ничего не переменится. Потому что ничего не сможет с собой поделать.

Идти или оставаться на месте? Триша не знала, что лучше: страх парализовал ее, какая там логика, в таком состоянии она уже ничего не соображала. Решение приняли ноги, и Триша вновь зашагала, опасливо оглядываясь по сторонам, на ходу вытирая руками опухшие глаза. Поднимая руку к лицу второй раз, она увидела полдюжины комаров, сидящих на тыльной стороне ладони, ударила по ней другой рукой, убила трех. Два успели насосаться крови. Вид собственной крови обычно не вызывал у Триши неприятных ощущений, но на этот раз ноги у нее подкосились, она уселась на ковер из иголок в окружении старых сосен и вновь заплакала. У нее болела голова, ныл желудок. Я ведь совсем недавно сидела в «додже», эта мысль непрерывно крутилась в голове. В «додже», на заднем сиденье, слушала, как они препираются. Потом ей вспомнился голос брата, долетевший из-за деревьев: «Не знаю, почему мы должны расплачиваться за совершенные вами ошибки!» Триша подумала, что в ее жизни это, возможно, последние слова, произнесенные Питом, которые она слышала, и по ее телу пробежала дрожь, словно под сенью деревьев она увидела приближающееся к ней чудище.

На этот раз слезы высохли быстрее, да и рыдала она не так отчаянно. А когда поднялась на ноги (при этом она автоматически повернула бейсболку козырьком на затылок), практически совсем успокоилась. Уж теперь-то они точно знают, что она пропала. Мамик поначалу подумает, что Триша обиделась на них и пошла к «каравану». Сначала они будут ее звать, потом двинутся следом, спрашивая у идущих навстречу туристов, не видели ли они девочку в фирменной бейсболке «Ред сокс» (ей девять лет, но она высокая и выглядит старше, буквально услышала Триша голос мамика). Когда же они вернутся на автостоянку и увидят, что Триши около машины нет, они начнут волноваться. А мамик просто перепугается. При этой мысли Тришу захлестнуло чувство вины. Поднимется переполох, может, к поискам привлекут егерей и Службу охраны леса<sup>8</sup>, а виновата в этом только она. Потому что сошла с тропы.

Мысли эти подбросили дровишек в костер тревоги, что давно уже полыхал в ее разгоряченном сознании, и Триша сорвалась с места, надеясь вернуться на главную тропу до того, как сообщение о ее исчезновении поступит во все эти организации и начнутся крупномасштабные поиски. Теперь она уже не обращала внимания на ориентиры, не старалась идти по прямой, и в результате, незаметно для себя, забирала все больше и больше к западу, удаляясь от Аппалачской тропы и большинства примыкающих к ней троп и тропинок. А там, куда направлялась Триша, ее ждали нехоженые леса, густой подлесок, глубокие ущелья, крутые склоны. Она звала

---

<sup>8</sup> Подразделение министерства сельского хозяйства США, создано в 1905 году с целью координации деятельности по рациональному использованию и защите лесных ресурсов страны. В ведении Службы находятся все национальные лесные заповедники.

на помощь и прислушивалась, прислушивалась и звала на помощь. И наверное, несказанно бы удивилась, узнав, что ее мать и брат, по-прежнему поглощенные выяснением отношений, еще не заметили, что Триши нет на тропе.

Шла она все быстрее и быстрее, отмахиваясь от мошкары, уже не огибая кусты, а продираясь сквозь них. Она слушала и звала, звала и слушала, да только, по большому счету, уже ничего не могла услышать. Она не замечала комаров, которые слетелись к ней на шею, выстроились в ряд, словно стадо коров на водопое, и сосали, сосали, сосали ее кровь. Она не чувствовала мокрецов, которые прилипли и трепыхались на полосках еще не высохших слез на ее щеках.

Она не поддалась панике мгновенно, как в прошлый раз, когда почувствовала под рукой змею. Нет, паника поднималась как огромная волна, отсекая Тришу от окружающего мира, пока не накрыла ее с головой. Она шагала, не замечая, куда идет; она звала на помощь, не слыша себя; и уши ее не услышали бы ответного крика, раздайся он из-за соседнего дерева. А когда Триша побежала, она уже не контролировала себя. Я должна сохранять спокойствие, подумала девочка, но ее обутые в кроссовки ноги двигались все быстрее и быстрее. Я только недавно сидела в автомобиле, подумала она, пустившись бежать. Я не знаю, почему мы должны платить за ошибки родителей, подумала она, в самый последний момент поднырнув под ветку, внезапно возникшую перед ней на уровне глаз. Лоб она не расшибла, глаза не выколола, отделилась лишь царапиной на левой щеке, из которой тут же потек кровавый ручеек.

Ветерок приятно охлаждал кожу, когда она прокладывала путь сквозь густой кустарник, не обращая ни малейшего внимания на шипы, которые рвали джинсы и царапали руки. Потом она бежала вверх по склону, с развевающимися волосами (резинка, собравшая их в конский хвост, давно уже соскочила, зацепившись за какую-то ветку), перескакивая через маленькие деревца, поваленные пронесшимся в этих местах ураганом. Триша взбежала на гребень... и внезапно перед ней открылось длинное, серовато-голубое ущелье, в милях и милях от нее оканчивающееся голыми гранитными утесами. А прямо под ней зияла пустота, заполненная летним воздухом, сквозь который она бы падала и падала, переворачиваясь и переворачиваясь, крича и крича, навстречу неминуемой смерти.

Голова у нее уже ничего не соображала, разум оцепенел от ужаса, но тело само определило, как в нужный момент затормозить на краю пропасти. Оставалось только одно – изменить направление движения. И Триша резко метнулась влево, правой ногой оттолкнувшись от самого края обрыва. Она услышала, как сорвавшиеся вниз мелкие камни отлетают от гранитного склона.

Теперь Триша бежала по полоске голого камня, протянувшейся вдоль обрыва, отделявшей его от леса. Она бежала, не очень-то понимая, что могло с ней произойти минуту назад. Но при этом ей вспомнился фантастический фильм, в котором герой заманивает к обрыву преследующего его динозавра и тот перескакивает через край, чтобы найти погибель на дне пропасти.

Упавший ясень перегородил каменную «дорожку». Верхние двадцать футов ствола зависли над пропастью, словно корабельная мачта. Триша обхватила ствол обеими руками, обняла, прижалась к нему поцарапанной и кровоточившей щекой, при каждом вздохе воздух со свистом попадал в легкие, и со всхлипом выходил обратно. Долго стояла Триша, дрожа всем телом, прильнув к дереву. Наконец открыла глаза. Стояла она, повернув голову направо. А потому заглянула в пропасть, прежде чем успела вновь закрыть глаза.

В этом месте от дна девочку отделяло не больше пятидесяти футов. На каменной осыпи росли какие-то ярко-зеленые кусты. Между ними валялись сухие стволы и ветки, сброшенные с обрыва ветром. И внезапно, с невероятной четкостью Трише привиделось, что она летит к этим кустам, стволам, веткам. Летит, кричит, размахивает руками. А потом сухая ветвь вонзается ей под подбородок, припиливает язык к небу, проникает в мозг и убивает.

– Нет! – вскрикнула Триша. Увиденное вызывало отвращение и одновременно зачаровывало. Она глубоко вдохнула.

– Со мной все в порядке, – медленно сказала она, чеканя слова. Царапины на руках и щеке пульсировали болью, их щипало от пота, только теперь Триша начала подсчитывать урон. – Со мной все в порядке. Я в норме. Да, да, в норме. – Она отцепилась от ясеня, ее тут же качнуло. Запаниковав, Триша вновь схватилась за ствол. Ей вдруг почудилось, что земля накренилась, чтобы сбросить ее в пропасть.

– Со мной все в порядке, – повторила она все так же размеренно. Облизала верхнюю губу. Пот испарился, соль осталась. – Со мной все в порядке, все в порядке. – Она повторяла и повторяла эти слова, но прошли долгие три минуты, прежде чем она сумела убедить руки ослабить хватку и второй раз отцепиться от ствола ясеня. Когда же ей это удалось, Триша попятилась от обрыва. Повернула бейсболку козырьком к затылку, посмотрела вверх ущелья. Увидела небо, затянутое тяжелыми дождевыми облаками, увидела шесть миллиардов деревьев, но не обнаружила ни единого признака присутствия человека, ни единого дымка, поднимающегося над костром.

– У меня все в порядке, я в норме. – Она еще на шаг отступила от обрыва, вскрикнула, когда что-то (змеи, змеи) коснулось ее под коленками. Какие змеи – обычные кусты. Все та же митчелла, в здешних лесах ее полным-полно. А потом ее вновь нашла мошкара. Целое облако окутало голову, черные точки заплясали перед глазами, потом начали увеличиваться в размерах, превращаясь в черные розы. Триша успела подумать: я теряю сознание, у меня обморок, и спиной повалилась на кусты. Глаза ее закатились, мошкара зависла над бледным как полотно лицом. А мгновение спустя два первых комара спикировали на веки и принялись за дело.



## Первая половина четвертого иннинга

Мамик передвигает мебель – такой была первая мысль Триши, когда она пришла в себя. Потом она подумала, что отец привез ее на крытый каток в Линне и она слышит, как подростки режут коньками лед, отмеряя круг за кругом. И тут что-то холодное плюхнулось ей на переносицу, и она открыла глаза. Вторая капля упала ей на лоб. Яркая вспышка рассекла небо, заставив Тришу зажмуриться. Секундой позже громовой раскат едва не разорвал ей барабанные перепонки. Инстинктивно Триша сжалась в комок, испуганный вскрик сорвался с губ. И тут же небеса разверзлись.

Триша села, схватила бейсболку, свалившуюся с головы при падении, надела козырьком вперед, ахнула, как человек, которого бросили в холодное озеро (такие, во всяком случае, у нее были ощущения), с трудом поднялась. Вновь полыхнула молния, грянул гром. Стоя под проливным дождем, Триша увидела, как высокая ель, растущая в ущелье, внезапно вспыхнула ярким пламенем и развалилась на две части. А мгновение позже дождь еще больше усилился и как стеной отгородил ущелье.

Триша попятилась, укрывшись от дождя под деревьями. Раскрыла рюкзак, достала синее пончо, надела (лучше поздно, чем никогда, прокомментировал бы ее отец), села на сваленное дерево. Голова соображала плохо, веки распухли и чесались. Растущие вокруг деревья лишь в малой степени защищали от дождя: слишком уж много воды лилось с небес. Триша накинула на голову капюшон пончо и слушала, как капли барабанят по пластику, совсем как по крыше автомобиля. Мошкара по-прежнему клубилась перед лицом, и Триша вяло махнула рукой, отгоняя зловредных тварей. Ничто не заставит их улететь, и они всегда голодны. Они сосали кровь из моих век, пока я лежала без сознания, а если я умру, облепят все тело, подумала Триша и опять расплакалась. На этот раз не рыдала, не всхлипывала, а просто плакала. Не забывая при этом рукой отгонять мошкару. Громовые раскаты следовали один за другим, и при каждом девочка вздрагивала всем телом.

Без солнца и часов время она определить не могла. Так что Трише не оставалось ничего другого, как сидеть на сваленном дереве. И маленькая фигурка в синем пончо не шевелилась, пока гроза не уползла на восток, забрав с собой громовые раскаты. Дождь, однако, продолжался, никуда не делись и кровососы. Один комар залетел в зазор между капюшоном и головой Триши и надсадно пищал у самого уха. Триша вычислила местонахождение комара, большим пальцем нажала на капюшон. Писк оборвался.

– Вот так, – вздохнула она. – С тобой я разобралась. И осталось от тебя только мокрое место. – Она хотела встать, но тут заурчал желудок. Ранее голода она не испытывала, а тут поняла, что очень хочется есть. Подумала о том, какие еще не слишком приятные сюрпризы ждут ее впереди, и порадовалась, что ничего такого она не знает, не может назвать ничего конкретного. Может, их и не будет, сказала она себе. Эй, девочка, воспрянь духом, может, все самое страшное уже позади.

Триша сняла пончо. Прежде чем убрать его в рюкзак, оглядела себя с головы до ног. Зрелище грустное. Вся одежда мокрая, в сосновых иголках. Потеряла сознание – и вот результат. Надо будет обо всем рассказать Пепси, при условии, что ей доведется увидеть Пепси.

– Ты это прекрати, – одернула себя Триша и отстегнула клапан рюкзака. Достала всю еду и питье, выложила рядом. Стоило ей взглянуть на бумажный пакет с ланчем, как желудок заурчал еще сильнее. Сколько же времени? Внутренние часы, напрямую подключенные к ее организму, подсказали: где-нибудь три пополудни. То есть минуло восемь часов с того момента, как она встала из-за стола, съев на завтрак тарелку кукурузных хлопьев, залитых молоком. И пять – как она приняла идиотское решение срезать угол и выйти на главную тропу через лес. Три часа пополудни. Может, даже четыре.

В бумажном пакете лежали сваренное вкрутую яйцо, sandwich с тунцом и несколько корешков сельдерея. Еще она взяла с собой пакетик чипсов (маленький), бутылку воды (довольно-таки большую), бутылку «Сэджа» (большую, почти в три четверти литра, она любила «Сэдж») и пачку «Туинкиз».

Посмотрев на бутылку с лимонно-лаймовой газировкой, Триша внезапно поняла, что ей скорее хочется пить, чем есть... и просто ужасно хочется сладкого. Она свинтила крышку, поднесла бутылку к губам, опустила руку с бутылкой. Хочется ей пить или нет, не дело разом ополовинить бутылку. Может, ей придется провести в лесу еще какое-то время. Конечно, особо в это не верилось, эту нелепую мысль хотелось выбросить из головы и напрочь забыть, но такого Триша позволить себе не могла. Выбравшись из леса, она, конечно, сможет рассуждать и вести себя как ребенок, но здесь, в лесу, ей не оставалось ничего другого, кроме как думать по-взрослому.

Ты видела, что перед тобой, сказала она себе. Большое ущелье, в котором нет ничего, кроме деревьев. Ни дорог, ни дыма. Так что на скорую помощь не рассчитывай. Ты должна беречь припасы. Именно такой совет дали бы тебе и мамик, и папик.

Триша позволила себе три больших глотка газировки, оторвала бутылку от губ, рыгнула, сделала еще два маленьких глоточка. Затем завинтила пробку и оценивающе оглядела съестное.

Остановила свой выбор на яйце. Очистила его, аккуратно убрала осколки скорлупы в пластиковый мешочек, в котором лежало яйцо (мысль о том, что оставленный мусор, любой признак того, что она была в каком-то конкретном месте, может спасти ей жизнь, не пришла Трише в голову, ни тогда, ни потом), посыпала яйцо солью. Вновь немного поплакала, потому что вспомнила, как вчера вечером, на кухне их сэнфордского дома, насыпала соль на кусочек воощенной бумаги, а потом свернула его, как показывала ей мать. Она буквально увидела тень от своих головы и рук, которая падала на пластмассовый стол, услышала работающий в гостиной телевизор: передавали информационный выпуск. И сверху доносился какой-то шум: брат возился в своей комнате. Удивительная отчетливость воспоминаний переводила их в разряд видений. Чем-то Триша напоминала тонущего человека, который вспоминает, как хорошо и покойно было на корабле, какой легкой и беззаботной казалась жизнь.

Ей было девять лет, правда, до десятого дня рождения оставалось не так уж и много, и для своего возраста девочкой она была крупной. Голод взял верх над воспоминаниями и страхом. Все еще всхлипывая, она быстро съела яйцо. До чего же вкусно. Она бы с удовольствием съела еще одно, может, и два. Мамик называла яйца «холестериновыми бомбами», но мамика рядом не было, и избыток холестерина – не такая уж беда, если ты заблудилась в лесу, вся поцарапалась, а веки раздулись от комариных укусов до такой степени, что кажется, будто к ним подвесили по гире.

Триша взяла пачку «Туинкиз», открыла, съела одно печенье. «Клево», – сказала она, повторив слово, которым Пепси выражала высший уровень одобрения. Запила яйцо и печенье водой. А потом быстро, прежде чем какая-нибудь из рук успела стать предателем и поднести ко рту что-нибудь съестное, убрала оставшуюся еду в бумажный пакет, проверила, надежно ли закручена пробка на опустевшей на четверть бутылке «Сэджа», и сложила все в рюкзак. При этом пальцы ее коснулись чего-то твердого, выпирающего из стенки, и Триша просияла (может, тому помогли и добавленные калории). Еще бы, такой приятный сюрприз!

Ее «Уокмен»! Она взяла с собой «Уокмен»! Вот радость-то!

Она расстегнула молнию внутреннего кармана и достала плеер, обращаясь с ним так же трепетно, как священник – со святыми дарами. Провода, намотанные на пластмассовый корпус, миниатюрные наушники, аккуратно уложенные в специальные пазы на корпусе. Есте-

ственно, в плеере стояла кассета с записью, которая на тот момент была фаворитом и у нее, и у Пепси (альбом «Таптампер» группы «Чамбавамба»<sup>9</sup>), но сейчас Трише было не до музыки.

Она вставила наушники в уши, передвинула рычажок с положения «TAPE» в положение «RADIO» и включила плеер.

Поначалу слышала только помехи, но потом настроилась на WMGX, портлендскую радиостанцию. Чуть дальше нашла WOHO, радиостанцию в Норуэе, вернувшись по шкале FM назад, поймала WCAS, маленькую радиостанцию Касл-Рок, городка, который они проезжали по пути к Аппалачской тропе. Она буквально слышала голос своего брата, сочащийся юношеским сарказмом: «WCAS, сегодня нас слушает вся наша деревня, завтра – весь мир»! И действительно, это была самая что ни на есть провинциальная, захудалая радиостанция. Визгливых исполнителей ковбойских песен, вроде Марка Честнатта и Трейс Эдкинз, сменяла ведущая, которая принимала звонки тех, кто хотел продать посудомоечные машины, сушилки, «бьюики» и охотничьи ружья. Однако человеческие голоса так много значили для того, кто заблудился в дремучем лесу. И Триша, сидя на поваленном дереве, слушала как зачарованная, рассеянно разгоняя бейсболкой клубящуюся вокруг нее мошкарю. В какой-то момент ведущая сообщила и текущее время: три часа девять минут.

В половине четвертого ведущая прочитала подборку местных новостей. Жители Касл-Рока недовольны порядками в баре, где по пятницам и субботам выступали обнаженные по пояс танцовщицы. В доме престарелых произошел пожар (никто не пострадал). Открытие реконструированного касл-рокского стадиона намечено на Четвертое июля. Зрителей ждали новенькие трибуны и фейерверки. Во второй половине дня дождь, ночью сухо, завтра – солнечный день, восемьдесят пять – восемьдесят шесть градусов<sup>10</sup>. Все. Ни слова о пропавшей маленькой девочке. Триша не знала, радоваться ей или тревожиться.

Она уже протянула руку к рычажку, чтобы выключить плеер: батареек надолго не хватит, когда ведущая добавила: «Не забудьте, что сегодня, в семь вечера, «Бостон Ред сокс» принимают этих несносных «Нью-Йорк янкиз»<sup>11</sup>. Оставайтесь с нами, и вы узнаете, как идут дела у наших «Ред сокс». А теперь вернемся к...»

А теперь вернемся к самому ужасному дню в жизни маленькой девочки, подумала Триша, выключая плеер. Она вынула наушники из ушей, закрутила проводки вокруг хрупкого пластмассового корпуса, вставила наушники в соответствующие пазы. Но не могла не признать, на душе у нее полегчало. Пожалуй, впервые с того момента, как ей стало окончательно ясно, что она заблудилась. Частично улучшению настроения помогла и еда, но Триша подозревала, что куда большая заслуга принадлежала радио. Голоса, настоящие человеческие голоса, и звучали они совсем близко.

Десант комаров высадился на ноги, пытаясь прокусить плотную ткань джинсов. Слава Богу, она не надела шорты. Вот бы комары полакомились.

Триша смахнула комаров, поднялась, надела пончо. Что теперь? Знает она что-нибудь из того, что может помочь человеку, заблудившемуся в лесу? Значит, так: солнце встает на востоке и заходит на западе. Пожалуй, все. Еще кто-то говорил ей, что мох растет или на северной, или на южной стороне дерева, но она не помнила, на какой именно. Может, лучше всего остаться на этом самом месте, соорудить какое-нибудь укрытие (скорее от комаров, чем от дождя; некоторые, особо настойчивые вновь залетели под капюшон, и их писк сводил Тришу с ума) и ждать, пока ее не найдут. Будь у нее спички, она смогла бы разжечь костер. В мокром

---

<sup>9</sup> Английская рок-группа, созданная в 1983 г. Среди поклонников и подростки, и сорокалетние.

<sup>10</sup> 86 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют 30 градусам по шкале Цельсия.

<sup>11</sup> Еще одна профессиональная бейсбольная команда, выступающая, как и «Бостон Ред сокс», в Восточном отделении Американской бейсбольной лиги.

после дождя лесу пожар она устроить не могла, а дым кто-нибудь бы да и заметил. Конечно, если бы у свиней были крылья, бекон мог бы летать, как говаривал ее отец.

– Одну минуту, – прошептала Триша. – Одну минуту.

Что-то насчет воды. Найти дорогу из леса с помощью воды. Но как?..

Мгновением позже она уже поняла, как ей может помочь вода, и ее охватило радостное возбуждение. Чувство это было таким сильным, что у нее даже закружилась голова. Она покачнулась и едва устояла на ногах.

Ей надо найти ручей! Мать ей этого не говорила. Она прочитала об этом сама, в какой-то детской книжке, давным-давно, в семь или восемь лет. Ты находишь ручей, идешь по течению, и ручей или выведет тебя из леса, или приведет к другому, более широкому ручью. Если это будет ручей, надо идти по его течению, пока он не приведет еще к одному ручью или к реке. А в конце концов вода обязательно выведет тебя из леса, потому что все реки впадают в море, а там леса нет, только пляж, скалы и ангары для лодок. Но как найти бегущую воду? Какие проблемы, она же может пойти вдоль обрыва. Того самого, с которого едва не свалилась по собственной глупости. Во-первых, так она не будет петлять, а пойдет в определенном направлении. А во-вторых, обрыв рано или поздно приведет ее к ручью. В лесах их полным-полно.

Триша забросила за плечи рюкзак, на этот раз поверх пончо, и осторожно подошла к ясеню, вершина которого нависала над обрывом. Теперь она воспринимала свой недавний безумный забег по лесам как глупую детскую выходку, но все равно не решилась подойти слишком близко к краю обрыва. Вдруг у нее закружится голова. Она может потерять сознание или... блевануть. Выблевать еду, запасы которой очень малы. Нет, это идея не из лучших.

Она повернула налево и зашагала по лесу, держась футах в двадцати от обрыва. Время от времени она заставляла себя подходить ближе, чтобы убедиться, не отклоняется ли она от выбранного курса... короче, чтобы убедиться, что обрыв и ущелье никуда не делись. Она прислушивалась к голосам, но без особой надежды: понимала, что тропа проходит совсем в другом месте и выйти на нее она может лишь по чистой случайности. Что она рассчитывала услышать, так это журчание бегущей воды, и в конце концов ее ожидания оправдались.

Не будет мне от этого никакого проку, если сейчас я выйду к водопаду, подумала Триша и решила, что, прежде чем идти к ручью, надо подойти к обрыву и посмотреть, очень ли он высокий. Чтобы потом не испытать горького разочарования.

Деревья в этом месте чуть отступали от края обрыва, а пространство между лесом и обрывом занял черничный ковер. Через четыре или пять недель тут вызрел бы богатый урожай. Пока, однако, ягоды были крохотные, зеленые и несъедобные. А вот ягоды митчеллы вполне созрели. Триша еще раз отметила это для себя. На всякий случай.

Землю между кустами черники, словно чешуя, устилали тонкие каменные пластинки. Они хрустели под кроссовками Триши, и ей казалось, что она идет по разбитым тарелкам. Шагала она все медленнее, а в десяти футах от обрыва присела и поползла на четвереньках. Я в полной безопасности, мне ничего не грозит, потому что я знаю, где я и что ждет меня впереди, волноваться не о чем, убеждала она себя, но ее сердце так и норовило выскочить из груди. Когда же она еще приблизилась к краю, с ее губ сорвался нервный смешок, потому что обрыва как такового уже и не было. Ущелье по-прежнему уходило вдаль, но теперь Триша уже не смотрела на него сверху вниз. Перепад высот значительно уменьшился, однако раньше Триша этого не заметила, потому что голова у нее была занята другим: найти бы бегущую воду, сохранить самообладание, не поддаться панике. Все так же на четвереньках она добралась до самого края и посмотрела вниз.

До дна ущелья двадцать футов. И не отвесной стены, а крутого, но все-таки склона, на котором росли кособокие деревья, островки черники, кусты ежевики. И груды мелкого камня между ними. Ливень прекратился, гром гремел далеко-далеко, по дождик продолжал моросить, так что груды мокрого камня напоминали выброшенную из шахты пустую породу.

Триша чуть отползла от края, встала и сквозь кусты направилась к журчащей воде. Начала сказываться усталость, ноги гудели, но в принципе она чувствовала себя неплохо. Боялась, конечно, но уже не так, как раньше. Ее найдут. Заблудившихся в лесу людей находили всегда. На их поиски посылали самолеты и вертолеты, лес прочесывали егери и лесники с собаками. И поиски продолжались до победного конца.

А может, я спасусь и сама. Натолкнусь где-нибудь в лесу на охотничий домик, разобью окно, если дверь заперта, а хозяев нет, позвоню по телефону...

Триша уже видела себя в охотничьем домике, которым не пользовались с прошлой осени. Мебель в выцветших чехлах, на полу медвежья шкура. Пахнет пылью и золой. Все это пригрезилось ей так отчетливо, что она даже уловила запах кофе. Домик пустовал, но телефон работал. Старый такой аппарат, с тяжелой трубкой, которую приходилось держать обеими руками. Она услышала свой голос: «Привет, мамик. Это Триша. Я не знаю, где я, но...»

Она так увлеклась воображаемым разговором в воображаемом охотничьем домике, что едва не свалилась в быстрый ручеек, который вырывался из леса и скатывался по склону, усеянному мелкими камнями.

Триша ухватила за ветки ольхи, постояла, глядя на ручеек. Губы ее раздвинулись в улыбке. Ужасный выдался день, все так, просто отвратительный, но удача наконец-то начала поворачиваться к ней лицом, а это уже немало дело. Девочка подошла к обрыву. Ручеек переваливался через край, и чуть ниже его ждала большая скала. Вода падала на нее, поднимая столб брызг, над которым в солнечный день стояли радуги. Склон по обеим сторонам ручья выглядел скользким и ненадежным: мокрый мелкий камень под тяжестью человека мог посыпаться вниз. Однако и здесь хватало кустов. И Триша подумала, что, поскользнувшись, она всегда сможет схватиться за куст, как схватила за ольху, что росла на берегу ручья.

– Вода ведет к людям, – напомнила она себе и двинулась вниз по склону.

Спускалась она осторожно, бочком, справа от ручья. Поначалу все шло хорошо, хотя склон был более крутым, чем казалось сверху, а камни выскальзывали из-под ног при каждом шаге. Рюкзак, вес которого она раньше не замечала, превратился в неуклюжего младенца, сидящего в «кенгуру». Он словно двигался сам по себе, и при каждом таком движении Трише приходилось взмахивать руками, чтобы сохранить равновесие. Но пока особых проблем у нее не возникало, и ее это очень радовало, потому что, остановившись на полпути, уперевшись правой ногой в камень побольше, она посмотрела вверх и поняла, что подняться по склону не сможет. Поэтому другого пути, кроме как вниз, на дно ущелья, для нее не было.

И она продолжила спуск. Три четверти склона остались позади, когда большое насекомое спикировало ей на лицо, большое, не мокрец или комар. Оса! И Триша с криком взмахнула рукой, отгоняя ее. От этого резкого движения рюкзак сильно качнулся, правая нога соскользнула, и Триша мгновенно потеряла равновесие. Она упала, ударила о камни плечом, да так, что лязгнули зубы, и заскользила вниз.

– О, дерьмо на палочке! – простонала она, хватаясь за камни. Но лишь выковыривала их из земли и тащила за собой. Ладонь пронзила резкая боль: острый кусок кварца поранил кожу. Другой рукой она схватила за куст и вытащила его вместе с корнями. Потом ступня правой ноги за что-то зацепилась, Тришу развернуло, оторвало от земли, и она полетела вниз.

Приземлилась на рюкзак, на нем и заскользила дальше, раскинув ноги, размахивая руками, крича от боли, страха, изумления. Пончо и свитер задрались до лопаток, острые края камней царапали спину. Триша попыталась затормозить ногами. Но левая зацепилась за вросший в склон валун, Тришу развернуло, и она покатила вниз: со спины на живот, с живота – на спину, снова на живот. Рюкзак то придавливал ее, то она расплющивала его своим телом. Триша то смотрела в серое небо, то утыкалась носом в каменистый склон.

Последние десять ярдов Триша проскользила на левом боку, с вытянутой левой рукой, уткнувшись лицом в локтевой сгиб. Обо что-то крепко ударила боком, так, что затрещали

ребра... и прежде чем она успела поднять голову, боль иголкой пронзила ее чуть повыше левой скулы. Триша вскрикнула, поднялась на колени, стукнула себя по щеке. Что-то раздавила, естественно, осу, кого же еще, открыла глаза и увидела, что вокруг нее ос этих полным-полно: желто-коричневые насекомые угрожающе жужжали, готовые вонзить в незваную гостью наполненные ядом жала.

Триша врезалась в сухое дерево, стоящее у подножия склона, в двадцати пяти ярдах ручья. И на первой ветви, аккурат на уровне глаз девятилетней девочки, высокой для своего возраста, к стволу прилепилось серое гнездо. Растревоженные осы ползали по ветке и стволу. Другие вылетали из отверстия на верхушке гнезда.

Боль пронзила шею Триши. Еще одно жало впилося в правую руку повыше локтя. Крича как оглашенная, в панике Триша бросилась бежать. Тут же ее ужалили в левую руку, потом в поясницу, повыше джинсов, пониже задранной к лопаткам фуфайки.

Бежала она к ручью. Не потому, что у воды будет безопасней. Просто старалась держаться открытой местности. Сначала огибала кусты, потом, когда они пошли сплошняком, продиралась сквозь них. У самой воды остановилась, тяжело дыша, оглянулась, опасаясь преследования. Но нет, осы остались у своего гнезда, хотя и успели причинить немало вреда до того, как ей удалось оторваться от них. Левый глаз – а именно под него ужалила Тришу первая оса – почти полностью заплыл.

Если у меня повышенная чувствительность, я умру, подумала она, но совсем не испугалась, потому что еще не вышла из состояния шока. Всхлипывая, с катящимися по щекам слезами, она присела у ручейка, из-за которого и повстречалась с осами. А немного придя в себя, сняла со спины рюкзак. По телу пробегала дрожь, укусы ужасно болели. Триша обхватила рюкзак руками, покачивая его, словно куклу, и зарыдала в голос. Подумала о Моне, оставшейся на заднем сиденье «каравана», милой, доброй Монье-Болонье с большими синими глазами. Не в такие уж далекие времена, когда ее родители собирались развестись, и во время развода только Мона могла посочувствовать ей, утешить ее. Случалось, что даже Пепси не могла понять, что творится у нее на душе. Теперь же родительский развод казался сущим пустяком. Теперь возникли куда более серьезные проблемы, чем отношения взрослых, не сумевших ужиться друг с другом. Например, осы, и Триша подумала, что многое отдала бы ради того, чтобы Мона вновь оказалась с ней.

Однако смерть от укусов ей не грозила, иначе она бы уже умерла. Как-то она подслушала разговор мамика и их соседки, миссис Томас. Она жила в доме напротив. Речь шла о каком-то человеке, у которого была аллергия на ос. «Через десять секунд после того, как оса ужалила его, – рассказывала миссис Томас, – старина Фрэнк раздулся, как воздушный шар. Если бы при нем не было шприца с лекарством, он бы, наверное, задохнулся».

Триша осторожно ощупала себя. Обнаружила не меньше шести укусов (одно место, на левом боку, повыше бедра, болело больше других, и Триша решила, что туда ее ужалили два или три раза). Царапин хватало и на спине, и на левой руке, которой особенно досталось на завершающей стадии спуска. Из многих царапин выступила кровь, все сильно саднили. Кро-  
воточила и царапина на левой щеке.

Несправедливо, подумала Триша. Несп...

И тут ужасная мысль пришла к ней в голову... какая там мысль, она разом поняла, что по-другому и быть не может. Ее «Уокмен» разбился, разлетелся на тысячи мелких кусочков, которые сейчас лежат на дне внутреннего кармана рюкзака. Иначе и быть не может. Не мог плейер пережить такой спуск.

Дрожащие, запачканные кровью руки Триши с большим трудом справились с пряжками. Она откинула клапан, вытащила «Геймбой». Игрушке явно не поздоровилось. Дисплей разлетелся, от него остались лишь несколько осколков желтоватого стекла. Несомненно, та же



участь постигла и начинку. Пакетик с чипсами порвался, и их крошки облепили белый корпус «Геймбоя».

Обе пластиковые бутылки, с водой и «Сэдж», помялись, но не лопнули. Пакет с ленчем сильно расплющило (словно по нему прокатился дорожный каток). Чипсовые крошки налипли и на него. В пакет Триша заглядывать не стала. Ее волновало совсем другое. Мой «Уокмен», думала она, дергая за молнию внутреннего кармана, не замечая, что по щекам катятся слезы. Неужели ее отрежут от голосов человеческого мира? Триша знала, что этого она не переживет.

Она сунула руку в карман и... о чудо! Извлекла из него целехонький плеер. Провода, которые она обмотала вокруг корпуса, сползли с него, но никаких повреждений Триша не обнаружила. Она держала плеер в руке, переводя взгляд с него на «Геймбой». И никак не могла поверить своим глазам. Как такое могло быть: «Уокмен» в целости и сохранности, а «Геймбой» разбит вдребезги? Неужели такое возможно?

Конечно же нет, услужливо сообщил ей ледяной, отвратительный голос, зазвучавший в ее голове. Он только выглядит как новенький, а внутри все сломано.

Триша размотала провода, вставила в уши наушники, положила палец на рычажок ON/OFF. Она забыла про укусы ос, про комаров и прочую мошкарку, про царапины и ссадины. Тяжелые, распухшие веки опустились, закрыв глаза.

– Пожалуйста, Господи, – взмолилась Триша. – Не дай моему «Уокмену» сломаться.

И перевела рычажок из положения OFF в положение ON.

«Только что к нам поступила следующая информация, – раздался в ушах голос ведущей. – Женщина из Сэнфорда сообщила в полицию о пропаже дочери. Она вместе с двумя детьми отправилась на пешую прогулку по участку Аппалачской тропы, расположенному в округе Касл. Ее дочь, девятилетняя Патриция Макфарленд, вероятно, сошла с тропы и заблудилась в лесах к западу от Тэ-Эр девяносто и города Моттона».

Глаза Триши широко раскрылись, и она еще десять минут слушала радио, хотя радиостанция WCAS уже переключилась на музыку. Она заблудилась в лесу. Об этом известно полиции. Скоро начнутся поиски. Над лесом появятся вертолеты, ее будут искать егеря с собаками... Ее мать, должно быть, перепугана до смерти... и, как ни странно, Тришу это даже обрадовало.

Удивляться тут нечего, подумала она, полагая, что правота на ее стороне. Я еще маленькая, а потому нуждаюсь в должном присмотре. Если она начнет орать на меня, я скажу: «Ты же не могла прекратить цапаться с братом, и в конце концов это вывело меня из себя. Я больше не могла вас слушать». Пепси бы это понравилось. Так и просится в книгу Ви-Си Эндрюс.

Наконец она выключила радио, вынула наушники из ушей, любовно погладила черный пластмассовый корпус, обмотала вокруг него провода и убрала плеер во внутренний карман рюкзака. Посмотрела на расплющенный пакет с ленчем и решила, что не сможет заставить себя заглянуть вовнутрь, разобраться, в каком состоянии сэндвич с тунцом и оставшиеся печенья «Туинкиз». Зрелище-то будет печальное. Хорошо хоть она съела яйцо до того, как оно превратилось в яичный салат. В другой ситуации эта мысль вызвала бы у нее смех, но, вероятно, запасы смеха у Триши иссякли. Колодец со смехом, который ее мать считала бездонным, временно пересох.

Триша сидела на берегу ручья, ширина которого не превышала трех футов, и рассеянно ела картофельные чипсы. Сначала те, что остались в порванном пакетике, потом перешла на крошки с бумажного пакета с ленчем, наконец, добралась до тех, что оказались на дне рюкзака. Большое насекомое зажужжало у носа. Триша отпрянула, испуганно вскрикнула, подняла руку, чтобы защитить лицо. Но увидела не осу, а овода.

Крошки закончились. Устало, замедленными движениями, словно женщина лет шестидесяти после утомительного трудового дня (а Триша и чувствовала себя как женщина лет шестидесяти после утомительного трудового дня), она убрала все пожитки в рюкзак, положила

в него даже разбитый «Геймбой» и встала. Прежде чем защелкнуть клапан на пряжке, сняла с себя пончо. Осмотрела его со всех сторон. Синий пластик никак не защитил ее, когда она катилась вниз по склону, только изорвался в клочья. Особенно нижняя часть пончо. Но все-таки Триша решила его не выкидывать. Насекомые, а их вновь собралась целая туча, прокусить пластик не могли. Особенно много стало комаров, которых, судя по всему, привлек запах крови. Наверное, они улавливали его на большом расстоянии.

– Фу, – Триша наморщила носик, замахала бейсболкой, разгоняя мошкар, – и откуда вы только беретесь?

Она говорила себе, что должна поблагодарить Бога. Все-таки не сломала ни руку, ни ногу, не проломила голову. И осиные укусы не вызвали у нее такой аллергии, как у Фрэнка, знакомого миссис Томас. Но так трудно испытывать благодарность, когда ты испугана, поцарапана, искутана и вымотана донельзя.

Триша уже собралась надеть то, что осталось от пончо, чтобы потом наклониться за рюкзаком, но тут заметила, что оба берега ручья сильно заилены. Она опустилась на колени, поморщилась от боли: при каждом движении осиные укусы давали о себе знать, зачерпнула пастообразного коричневатого-серого ила. Попробовать или нет?

– Хуже-то не будет, так? – со вздохом отметила она и намазала илом припухлость над бедром. Ил приятно охлаждал кожу, а зуд прекратился практически мгновенно. Очень осторожно она намазала илом все укушенные места, до которых смогла дотянуться, включая и под левым глазом. Потом вытерла руки о джинсы (и первые, и вторые выглядели совсем не так, как шесть часов назад), надела порванное пончо, закинула за плечи рюкзак. К счастью, он не терся об укушенные места. Триша зашагала вдоль ручья и пятью минутами позже вновь углубилась в лес.

Следующие четыре часа, или около того, она шла вдоль русла, слыша лишь пение птиц да писк комаров. Практически все время моросил дождь, а в какой-то момент полил так сильно, что опять вымочил ее насквозь, хотя она и пыталась укрыться под большим деревом. Но в этот раз обошлось без грома и молнии.

Никогда раньше Триша не считала себя городской девочкой, для которой в диковинку общение с природой, а вот тут вот – когда этот безумный, отвратительный день подходил к концу, такое ощущение у нее возникло. И с лесом творилось что-то странное. Он словно делился на полосы. Какое-то время она шагала среди высоких красивых сосен, совсем как в диснеевских мультфильмах. А потом диснеевскую идиллию сменяла чащоба: деревья с искривленными стволами, заросли кустов, переплетенные, зачастую усеянные шипами ветки, которые так и норовили добраться до ее рук и глаз. Крайняя усталость, если не сказать измотанность, уже не позволяла Трише ломиться сквозь кусты. Она осторожно распутывала их, и со временем девочке начало казаться, что поцарапать ее, а при удаче и вонзиться в глаз – для кустов цель второстепенная. Основную свою задачу они видели в другом: помешать ей идти вдоль ручья. А ведь только он и мог вывести ее к людям.

Если заросли становились совсем уж непроходимыми, Триша соглашалась на то, чтобы отдалиться от русла достаточно далеко. То, что она не видела ручья, ее не смущало. Но слышать шум бегущей воды считала для себя обязательным. Если этот шум быстро сходил на нет, она опускалась на четвереньки и ползла под зарослями вместо того, чтобы искать в них проход. Под зарослями было мокро и сыро (не то что в сосновом бору, где землю устилал пружинящий под ногами ковер из иголок), рюкзак то и дело цеплялся за ветки, и всегда перед ее лицом висела туча мошкар.

Триша понимала, почему ей так тоскливо, почему опускаются руки, только не находила слов, чтобы сформулировать причину своего дискомфорта. Она словно попала в чужую страну: со многим из того, что она видела и слышала в лесу, Триша сталкивалась впервые и не знала, чего от всего этого ждать. Кое о чем ей рассказывала мать, и Триша могла определить березу,

бук, ольху, ель, сосну, стук дятла, карканье ворон, стрекотание цикад... а все остальное? Если мать ей об этом и говорила, то Триша все благополучно позабыла, но скорее всего такого разговора просто не было. Потому что ее мать была типичной горожанкой из Массачусетса, которая довольно продолжительное время прожила в Мэне, любила гулять по лесу и прочитала несколько иллюстрированных справочников о лесных растениях. Как назывались, к примеру, вот эти густые кусты с блестящими зелеными листьями (пожалуйста, Господи, только бы они не были ядовитыми)? Или те невысокие деревья с серыми стволами? А те, с узкими длинными листьями? Леса у Сэнфорда, которые хорошо знала ее мать, по которым она часто гуляла, одна или с дочерью, казались городским парком в сравнении с лесами, по которым шла сейчас Триша.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.